

УДК: 37.014

DOI: 10.25629/НС.2023.10.11

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ФУТУРОШОКА В КОНТЕКСТЕ СУВЕРЕНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Бродовская Е.В.^{1,2}, Складорова Н.Ю.¹, Огнев А.С.^{2,3}, Кузнецова С.В.¹, Мельников С.В.¹,
Лукушин В.А.^{1,2}

¹Московский педагогический государственный университет

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

³Российский новый университет

АННОТАЦИЯ

В статье представлен критический анализ базовых трудов и футурологических концепций, предложенных известным американским философом Элвином Тоффлером во второй половине XX столетия. Авторы рассматривают основные положения работы «Шок будущего» и ряда других публикаций с позиции их использования в качестве геополитического инструмента, включающего практическое использование в период «демократических транзитов», связанных с десуверенизацией государств, ценностным и мировоззренческим деконструированием, формированием западнцентричных социальных систем. На основе интерпретации ряда исторических фактов, теоретических материалов и содержательных компонентов трудов Тоффлера, авторы обнаруживают в них средство гуманитарной и интеллектуальной интервенции, профессионального механизма «мягкой силы», особенно ярко проявляемых в системе национального образования и воспитания. По результатам анализа, авторы приходят к выводу о значительных рисках подобного внешнего воздействия для отечественного образовательного пространства, необходимости противопоставления ему путем целенаправленного выстраивания национально-ориентированной и ценностно-обусловленной государственной политики в сфере образования и воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

футурошок, шок будущего, суверенизация образования, философия образования, национальная образовательная система, система образования и воспитания, гуманитарная интервенция, мягкая сила, интеллектуальная интервенция, ценностная политика в образовании.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Работа известного американского автора, футуролога Элвина Тоффлера «Шок будущего», созданная в 70-е годы XX столетия, прежде всего, отражает традицию западной политической мысли по отрицанию человеческой природы, применению античеловеческих экспериментов в отношении целых обществ и народов, навязыванию и конструированию образа будущего в котором нет места национально-государственной идентичности, традиционным социальным институтам, и, прежде всего, институту семьи и суверенной системе образования.

Данная работа и вся последующая деятельность по масштабному распространению и продвижению идей Тоффлера в России, а также в странах бывшего социалистического лагеря и на пространстве Содружества независимых государств, демонстрирует то, как гуманитарные технологии могут создавать паттерны у элитных и массовых групп (устойчивые формы и стратегии поведения), направленные на слом политических систем, моральных устоев, социальных связей и позитивного образа будущего.

Идеи Элвина Тоффлера появились на сконструированном ранее научном базисе. Основой для авторских концепций стали многочисленные исследования Чикагской школы, сфокусированной на технологиях манипулирования массовым сознанием; разработки Франкфуртской школы, сконцентрированной на продвижении леволиберальных ценностей, включая отрицание природы человека. В свою очередь, продолжение идей Тоффлера наблюдается в современных течениях трансгуманизма.

Футурологические концепции Тоффлера входят в общественную повестку в 70-е годы XX столетия. В исторический период, который западные политологи, например, С. Хантингтон, называют «третьей волной демократизации», то есть в эпоху, с которой начинается процесс массового транзита (перехода) стран к политическим режимам, построенным на ценностях либеральной демократии [22]. Своего максимума «третья волна демократизации» достигнет в 90-е годы XX века. В связи с этим, необходимо отметить, что работы Тоффлера не только способствовали реализации транзитов на постсоветском пространстве, но и отчасти легитимизировали и оправдывали десоверенизацию, ослабление государственной власти, распространение конфликтной модели взаимодействия власти и общества, насаждение ценностей индивидуализма, потребительства, эгоизма, абсолютизации свободы и минимизации ответственности.

После наступления цифровой эпохи, идеи Тоффлера переживают определенный ренессанс, так как ему удалось описать особенности информационного общества. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что его работы нельзя в полной мере назвать научными. Автор не имел классического университетского образования в сфере философии, истории или политологии. Тоффлер в первую очередь является талантливым журналистом-популяризатором. У его суждений нет научного фундамента, его идеи не верифицированы эмпирическими исследованиями.

«Шок будущего» – это эссе, написанное в увлекательном жанре футурологии и научной фантастики, что так же способствовало популяризации его идей. Вместе с тем, за видимой легкостью жанра, скрывается жесткая система координат человека современного «западного мира», чье отречение от норм морали, нравственности, этики, религии и права оправдывается эффектами информационного общества.

Это гуманитарное оружие социального программирования уже не раз было применено на практике. В условиях усиления геополитической напряженности и формирования нового мирового порядка, основанного на принципах справедливости, многополярности, взаимоуважения, противодействия постколониальным практикам, учета национальных интересов и норм международного права, контексты воздействия на интеллектуальную среду суверенных государств актуализируются.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Элвин Тоффлер родился в Нью-Йорке в октябре 1928 года в семье еврейских иммигрантов из Польши. Закончив в 1949 году Нью-Йоркский университет, Тоффлер вместе со своей супругой переехали в индустриальный центр штата Огайо. Со своей супругой Тоффлер познакомился в университете, где они специализировались на лингвистике. Опыт восприятия экономической стагнации эпохи Великой депрессии и порождаемых ею случаев неравенства оказал на них сильнейшее воздействие. В студенческие годы оба придерживались радикальных левых идей и взглядов. Последующие пять лет супруги работали на предприятиях тяжелой промышленности.

В конце 1950-х годах Тоффлер занялся журналистикой, стал штатным корреспондентом ряда газет в Вашингтоне, далее несколько лет администрировал редакцию крупного делового издания. В этот период он переключил свое внимание на описание проблем в сфере организации бизнеса и управления, а затем на прогнозирование глобальных изменений в американском обществе, происходящих на фоне взрывного роста компьютерного и телекоммуникационного бизнеса в США. Одновременно, Тоффлер начал преподавательскую деятельность.

Несмотря на отсутствие университетского образования и научной степени, журналист Тоффлер активно привлекался к работе в государственных, в том числе военных и разведывательных структурах США, ведущих американских и международных научно-исследовательских

организациях. Среди них Международный институт стратегических исследований, Университет национальной обороны США, Корнеллский университет, Американская ассоциация содействия развитию науки. Тоффлер активно работал в Белом доме, сначала в качестве корреспондента, а затем приглашенного консультанта.

В 1996 году супруги Тоффлер стали соучредителями одноименной консалтинговой фирмы «Toffler Associates», деятельность которой и в настоящее время направлена на подготовку методических рекомендаций для правительственных структур и руководства предприятий, инициировавших преобразования в интересах создания так называемого «лучшего будущего». Современные последователи идей Элвина Тоффлера рекламируют эффективность своей многолетней работы на примере формирования и изменения мировоззренческих приоритетов у ведущих мировых политиков. Например, премьер-министра Китая Чжао Цзяяна, президента СССР Михаила Горбачева.

Политическое руководство и спецслужбы современных западных государств рассматривают футурологические концепции Элвина Тоффлера в качестве важной составляющей своей деятельности, в том числе во внешнеполитических отношениях с другими странами. Искусственное ускорение извне процесса смены в ряде государств так называемых «волн-типов общества», якобы нарастающих на фоне взрывного развития цифровых технологий и глобализации, могло стать скрытым катализатором ряда ключевых общественно-политических событий в 70–90-х годах XX века.

В Китае под предлогом демократизации и проведения экономических реформ американские некоммерческие организации и дипломаты при финансовой поддержке представителей крупного бизнеса и международных финансовых институтов способствовали распространению идей Тоффлера в китайском обществе. С этой целью в 1981 году для ведущих сотрудников Китайской академии социальных наук были организованы встречи с американским футурологом. В 1983 году китайское издательство «Sanlien» перевело и опубликовало книгу «Третья волна». Главный вывод, сделанный Тоффлером и его китайскими последователями, заключался в том, что Китай в числе других стран Востока может пропустить вторую волну так называемой «грязной индустриализации» и сразу перейти от первой к третьей. Планировалось «освободить» китайскую экономику от политики, отказаться от развития крупной промышленности или масштабных проектов развития в пользу трудоемкого мелкого производства в интересах обеспечения высокоразвитых западных государств.

В результате была совершена неудавшаяся попытка государственного переворота, известная как события на площади Тяньаньмэнь в Пекине 1989 года. Генеральный секретарь ЦК Компартии Китая Чжао Цзяян как один из ведущих реформаторов, поддержавших бастующих студентов смещён с должности. Помощь в эвакуации за границу через Гонконг участвовавшим в протестах китайским диссидентам оказывали спецслужбы Великобритании и США в рамках собственной спецоперации.

В России и в перестроечный период в Советском союзе также предпринимались попытки извне оказать влияние на руководство страны в интересах адаптации концепции Тоффлера. Американский футуролог консультировал советников главы СССР Михаила Горбачева и руководителей Комитета государственной безопасности, изучавших проблемы преобразований в странах социализма и углубления взаимодействия с США в рамках так называемого «нового мышления». Распад СССР привёл к политической, экономической и культурной деградации большинства постсоветских государств.

В настоящее время в программах ряда учебных дисциплин высших учебных заведений по социологии, философии, политологии, культурологии идеи западных мыслителей, в том числе Тоффлера, по-прежнему доминируют. Предсказанная американским футурологом «цифровая революция» активно используется для воздействия на установки обучающихся, коммерциализации образования и использования образовательной среды в качестве политического и геополитического инструмента.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Основные труды Э. Тоффлера, включая базовую работу «Шок будущего», разрабатывались в эпоху серьезных технологических изменений, происходивших в западном обществе. Стремительное развитие науки и техники, а также старт третьей промышленной революции ознаменовали собой развитие новых философских течений, значимая часть из которых противопоставлялись друг другу. Концепция футурошока является интеллектуальным продуктом западной футурологической мысли, не только в точности следующим политическому и философскому мейнстриму, но и во многом задающим его [25]. Отсюда критика «шока будущего», как и иных концепций и картин мира, предлагаемых массовому обществу Тоффлером и рядом других философов данного периода, считается не принятой. Тоффлера и сегодня называют классиком западной футурологии, а сама концепция футурошока переживает новый этап развития на фоне уже четвертой научно-технической революции [26].

Футурологические модели Тоффлера являются идеализированными и сглаженными от возможных ограничений и негативных эффектов. Тоффлер наиболее доступным образом очерчивает основные границы будущего, предлагая довериться им и принять их как некоторую данность. Отсюда, футурошок не воспринимался как предупреждение или предостережение. Напротив, автор предлагает приспособление к новой конфигурации окружающей среды как наиболее оптимальный способ дальнейшего существования человека [19]. Пережившие «шок будущего» и смирившиеся с технологической реальностью, достигнут абсолютно нового индивидуализированного общества, которое Тоффлер представляет как «общество потребления» и «общество удовольствия» [20]. Результаты становления подобного общества, наблюдаемые в наши дни, противоречат представлениям классиков западной футурологии и демонстрируют значительные по своему масштабу негативные эффекты и последствия выбранного пути развития [5].

Работы Тоффлера и ряда других представителей футурологической волны часто рассматривают как пример грамотной социальной инженерии – крупного научно-практического направления, части современной гуманитарной науки, предусматривающей поиск ответов на вопросы об устройстве настоящего и будущего с целью преобразования общественной жизни и формирования соответствующих шаблонов поведения. В действительности идея является базовым компонентом социальной инженерии [7]. Основной средой реализации социального инжиниринга является образование и воспитание. Именно на этом этапе закладываются ценности и ориентиры развития, проектируются индивидуальные траектории развития, формируются жизненные приоритеты, принципы и установки.

Социальный инжиниринг является инструментом позитивных преобразований на основе сопоставления концептов социальной реальности различного уровня [12]. Негативная коннотация этого термина в русском языке обусловлена сложившейся практикой применения элементов социального инжиниринга и условиями функционирования гуманитарной науки в современной России. На протяжении многих лет, социальный инжиниринг и социальное проектирование использовались в качестве политических и геополитических инструментов, необходимых для оказания комплексного воздействия на формирование ценностей, установок и идентичностей россиян. Национальная система выступила широкой сферой применения подобных технологий, средством так называемой «мягкой силы» заинтересованных государств [1].

Отечественные исследователи замечают, что современная политика с точки зрения «мягкой силы» является процессом непрерывной конкуренции символических структур, где образованию как механизму ценностной трансляции отводится главенствующая роль [18]. Все чаще национальная система образования рассматривается в качестве объекта, а не субъекта внешнего воздействия, особенно в условиях непрекращающейся геополитической напряженности, в эпоху гибридных и когнитивных войн между государствами. Молодежь, система образования и воспитания, педагогическое сообщество рассматриваются в качестве объектов или «мишеней» внешнего воздействия, которое отличается технологичностью и интенсивностью [13]. При этом процесс вестернизации образовательной системы начался задолго до начала открытой геополитической конфронтации и сопровождался глубокой культурной, информационной и организационно-методической работой внутри образовательного пространства [9].

Важно отметить, что многие исследователи отмечают идеологическую связь описанных Тоффлером моделей будущего с тем, что содержится в сочинениях не менее известных авторов иных футурологических концепций. Так, целый ряд авторов путем сопоставительного анализа работ Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, З. Бжезинского, С. Хантингтона, К. Шваба выделяет манипулятивный аспект предложенных ими футурологических проектов и приходит к выводу об их ангажированности [2, 6, 8, 10, 21]. Отдельные исследователи считают, что предложенные этими авторами модели не следует относить к разряду научно обоснованных прогнозов. Их главная задача – агитация, а местами и прямая пропаганда, призывающая к реализации изложенных в этих работах моделей миропорядка с доминирующей в них либерально-рыночной доктриной преобразования всей человеческой цивилизации.

Одним из трендов в исследованиях российских специалистов различного профиля является поиск путей противодействия процессу внешнего воздействия на национальную систему образования и воспитания. Значительное число исследователей обращают внимание на политику суверенизации образования в Российской Федерации, возрождение и внедрение лучших отечественных практик и традиций в образовательную сферу [14, 16, 24]. Подчеркивается значимость государственной ценностной в политике в установлении приоритетов и направлений развития образования, роль воспитательного фактора, мировоззренческих и ценностных ориентиров [15, 17]. При этом достижение образовательного суверенитета является первой ступенью на пути к кадровому, профессиональному и интеллектуальному суверенитету, обладающему принципиальным значением для социально-экономического развития современного государства [11].

ТЕХНОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В основу становления и продвижения идей Тоффлера заложены технологии гуманитарной интервенции. Их суть заключается в использовании мягкой силы для навязывания системы мировоззренческих координат, обеспечивающих вестернизацию государства и общества. Дело в том, что транзитивные (переходные) общества, находясь в кризисном периоде развития, остро нуждаются в ценностях и смыслах, ориентирах, координатах для того, чтобы преодолеть «социальную травму» и адаптироваться к новым условиям [23]. В этой ситуации, новые элиты, как правило, находящиеся под контролем внешних акторов, становятся проводниками разрушения исторической памяти, отказа от традиций и насаждения идей с опорой на известные гуманитарные концепции, имена и работы. Так, постепенно, чужое становится своим, а противоестественное – нормой.

Существенную роль в успешном применении технологии гуманитарной интервенции сыграли национальные системы образования. Дисфункции политических систем обществ переходного типа в 90-е годов XX века привели к максимальной трансформации содержания образования. А учитывая динамику социально-политических процессов, максимальную открытость информационного и образовательного пространств в рассматриваемый период, учебники школьного, профессионального и вузовского уровня наводнились внешними идеями, именами, концепциями без должного критического анализа целесообразности их включения в учебный процесс, без оценки рисков и последствий их воздействия на паттерны поведения, без психофизиологической и когнитивистской экспертизы их влияния на мировоззрение, отношение к обществу и государству, культуре гражданственности и патриотизма.

Ярким проявлением того, что национальные системы образования на постсоветском пространстве использовались внешними акторами в целях гуманитарной и интеллектуальной интервенции является максимальный западноцентризм в организации и содержании учебного процесса особенно на уровне высшего образования. Данный факт является принципиальным в выстраивании суверенной системы образования на всех уровнях, что подразумевает отход от западноцентричной модели преподавания общественных наук и соответствующих дисциплин, при которой отдельные страны выступают в роли носителей прогрессивных идей, ценностей и образов жизни, способных навязывать определенные установки. Россия обладает богатой историей политической и философской мысли, а также собственными современными именами и гуманитарными научными школами, на идеи, методы и достижения в объяснении эффектов цифровой эпохи которых современная система образования может опираться.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО И ЦЕННОСТНОЕ ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ

Ключевой идеей «футурошока» является грядущее, в котором, в условиях информационного давления и высокого уровня динамики и неопределенности процессов, человека ожидает общество массового сумасшествия. Во-первых, в данной идее прослеживается негативный фатализм, который кратко можно представить в виде формулы «Все у всех все равно будет плохо». Личность молодого человека, ориентированная таким образом, лишается стимулов к развитию и совершенствованию и самое, главное, лишается субъектности. Во-вторых, такой образ будущего формирует недоверие к миру, к обществу, страх перед будущим. А в случае, с носителями девиантного поведения, дает последним аргументы для сохранения разрушительных стратегий антисоциального поведения. В-третьих, что такое тоффлеровское «массовое помешательство» в условиях интенсивного увеличения объемов информации? Это масса, не отвечающая за свои поступки, это оправдание любых перверсий, это деградация, это возвращение к догосударственным временам «войны всех против всех». Подобный образ будущего и картина мира не приспособлена для развития гражданственности, патриотизма, созидательной и общественной деятельности.

Красной нитью в работе «Шок будущего» проходит идея об основополагающей роли потребительской экономики, общества потребления, потребителей: «Потребительская экономика огромна... Потребление встряхнет рынки, изменит ролевую структуру общества и изменит наши представления о богатстве». Это прямой путь к разрушению духовно-нравственных ценностей, среди которых самопожертвование, справедливость и многие другие базовые ориентиры общества и государства не только не совместимы с идеологией потребительства, но и прямо противоположны ей. Идеи Тоффлера, направлены также на то, чтобы показать, что в его образе будущего нет места традиционным социальным институтам, в том числе, институту семьи. Тоффлер утверждает, что в будущем неизбежно настанет эпоха, в которой будет господствовать «поддельная окружающая среда, которая будет предлагать потребителю приключения, опасность и другие удовольствия без риска для реальной жизни». Таким образом, Тоффлер легитимизирует не просто образа потребителя, а потребителя развлекающегося, единственным устремлением которого является получение удовольствий. В этой модели нет места самореализации, работе над собой и духовном развитии. Тоффлеровский образ будущего предстает в привлекательном для молодого человека виде: «Проблемой каждого человека будет не проблема выживания в условиях жестокого режима и стандартизации, а проблема выживания в условиях полной свободы». В данном случае идеологический удар наносится сразу по нескольким целям-ценностям: власть, порядок, ответственность, обязанности, традиции и идентичность.

По мнению известного русского философа Александра Зиновьева, подобное внешнее воздействие на мировоззрение, ценности и образ будущего россиян достигло своего пика в период «холодной войны». Автор полагает, что главным оружием в этом конфликте были средства идеологии, пропаганды и психологии: «Ставилась задача атомизировать общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет населения противника» [4]. При этом Зиновьев считал, что в первую очередь это давление оказывалось на правящие и привилегированные слои, на идеологическую элиту и интеллигенцию Советского государства. Зиновьев рассматривает процесс гуманитарной интервенции через призму реализации неоколониальных и постколониальных задач, навязывания народам планеты универсальных жизненных идеалов. «Для выживания (западной сверхцивилизации) на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества» – именно эту цитату Зиновьева использовал Президент России Владимир Путин в рамках выступления на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2022 года для характеристики неоколониального уклада внешнеполитической деятельности отдельных государств [3].

РИСКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В своей работе Тоффлер затрагивает важнейшую для современного общества тему – развитие системы образования как ключевого фактора, определяющего будущее развитие постиндустриальной цивилизации. Существующая во второй половине XX века модель образования, согласно Тоффлеру, «безнадёжно устарела» и не отвечает требованиям времени. Задачу современного образования Тоффлер видел только в обеспечении специальной направленности, на короткий промежуток времени и для решения конкретных задач. В данном случае просматривается явная тенденция к уходу от фундаментального образования и ориентирование обучающегося на временную работу в различных компаниях. По его мысли, в будущем образование должно уйти от жесткой системы «календарного и классификационного планирования», большинство предметов рекомендуется исключить из государственного учебного плана. При этом, о воспитательной функции образования речь не идет вовсе.

По сути, это прямой призыв к разрушению государственной системы образования, разрыву единого образовательного пространства, единых целей и задач образования. Данные идеи прямо противоречат стратегическим задачам, которые стоят перед суверенным государством: развитие национальной системы образования, укрепление единого образовательного пространства, сохранение фундаментальности содержания учебного процесса, приумножение его воспитательного и мировоззренческого потенциала. Обозначив проблемы в системе образования индустриального общества, Тоффлер выступает с идеями по ее реформированию с учетом перехода социума на новый сверхиндустриальный (супериндустриальный) уровень. По сути, предложенные им идеи, требуют коренного изменения всей традиционной системы образования, ориентированной, с его точки зрения, на запросы не настоящего, а будущего.

Новая школа сверхиндустриального общества, по мнению Тоффлера, должна отказаться от классно-урочной формы обучения в школе и лекционной в вузах, заменив их на ролевые игры, компьютерные конференции и погружение обучающихся в «воображаемые приключения»; сместить акцент на формат компьютерного обучения, электронных видеозаписей, исключить из учебных планов фундаментальные предметы (биология, физика, алгебра и др.), заменить их узкопрофильными курсами. Заметим, что при таком подходе учеба превращается в игру, что не способствует формированию у обучающихся волевых сторон личности, не развивает произвольность познавательных процессов, абстрактное мышление, отрывает от действительности, погружая ребенка в виртуальный мир грез, а также приводит к получению обучающимися разрозненных и фрагментарных знаний, снижению уровня и качества образования.

Из учебных планов, кроме фундаментальных дисциплин, Тоффлер предложил исключить историю, формирующую ценности прошлого, и заменить ее на курс о будущем. Однако отказ от изучения истории неизбежно приведет к стиранию исторической памяти, утрате гражданской и национальной идентичности, разрыву связи поколений. Согласно Тоффлеру, школе будущего необходимо готовить учеников к работе во временных формированиях, специально создаваемых в каждом отдельном случае для решения конкретных задач «адхократий будущего». С этой целью в школу должны прийти бухгалтеры, врачи, инженеры, бизнесмены, строители, которые в рамках «внеклассного факультатива» не только могут показать, как абстрактные знания становятся конкретными, но и привести к «новому типу профессионального ученичества»

В будущем, по мнению американского философа, образование должно уйти от жесткой системы планирования. Также ряд предметов, даже если их будет большинство, рекомендуется исключить из государственного учебного плана. Подобная децентрализация системы образования, переход к плюрализму учебных планов и программ приводит к разрушению общеобразовательной школы как таковой, дифференциации системы образования, его «разгосударствлению», разрыву единого образовательного пространства. При таком подходе не будет формироваться человек-творец, который готов созидать на благо общества, из школы выйдет личность, ориентированная исключительно на персональный успех и карьерный взлет.

Конструируемая Тоффлером новая модель системы образования будущего, отражала, прежде всего, потребности западного общества, но одновременно представляла собой мощную интеллектуальную интервенцию, направленную на слом национальных систем образования. Реализуемая с начала 1990-х годов государственная политика в сфере образования и просвещения в значительной степени подверглась подобному внешнему воздействию. На протяжении многих лет национальная образовательная система испытывала тенденции к коммерциализации, сокращения доли гуманитарного и культурного компонентов. Из образовательного процесса было исключено воспитание, составляющее его духовную основу. Сам процесс образования образование долгие годы был принесен в жертву утилитарным сиюминутным запросам. Кроме того, в постсоветскую эпоху образование перестало решать государственные задачи по воспитанию гражданина и патриота. Методологический подход «Я-концепция», утвердившийся в российском образовании, не способствовал формированию в сознании российских школьников патриотических ценностей: служения Отечеству, гражданственности, исторической памяти, преемственности поколений, гордости за свою страну. Опыт последних десятилетий показал, что реформирование системы образования без учета исторических и национальных традиций, опыта предшествующих поколений, отечественных ценностей, приводят к усилению разобщенности и поляризации российского общества, ставят под угрозу государственный суверенитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализованный критический анализ показывает, что технологии и практики интеллектуальной и гуманитарной интервенции являются серьезным политическим вызовом для современного суверенного государства. Труды и концепции Элвина Тоффлера в данном случае являются лишь яркой иллюстрацией того, в каком формате и при помощи каких механизмов возможно реализовать подобное внешнее воздействие, профессионально сопровождать внешнеполитический курс отдельных государств путем трансформации национальных образовательных систем. Концепт «борьбы за умы», подразумевающий серьезную ценностную и идеологическую перенастройку основывается в первую очередь на изменениях в системе образования. Эффекты подобной деятельности на постсоветском пространстве являются особенно чувствительными. На современном этапе развития российского государства сформированы конкретные требования, включающие сохранение тысячелетней истории и культуры, уникальной государственности, права быть независимыми в эпоху глобальных конфронтаций и противостояний. Исход геополитического противоборства будет во многом зависеть от реакции гражданского общества и того насколько оперативно и качественно национальная система образования и воспитания будет выявлять вызовы и риски, а также давать им адекватный и соизмеримый ответ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антюхова Е.А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 197-209.
2. Галаганова С.Г. Лингвокультурные аспекты «великого нарратива» // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 8 (170). – С. 14-23.
3. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 31.07.2023).
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: «Издательство АСТ», 2008 – 800 с.
5. Карнаушенко Л.В. Интеллектуальный суверенитет государства и проблема его обеспечения в обществе начала XXI века // Общество и право. – 2015. – №4 (54). – С. 10-14.
6. Коломыц Д.М., Косарев А.П. политические ориентиры западной футурологии // Евразийство и мир. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 102-112.

7. Лукушин В.А. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства // *Общественные науки и современность*. – 2023. – № 3. – С. 68–82.
8. Любарец А.В. Ф. Фукуяма, З. Бжежинский, Э. Тоффлер, С. Хантингтон – четыре манипулятора апокалипсическим грядущим // *Перспективы развития научных исследований в 21 веке. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции*. – 2018. – С. 35-37.
9. Михальченкова Н.А. Реформы высшего образования в странах БРИКС: вестернизация или поиск собственного пути? // *Власть*. – 2017. – Т. 25. – № 7. – С. 166-173.
10. Морозов И.Л. Футурологические концепции Фрэнсиса Фукуямы и Элвина Тоффлера как идеологическое обоснование западного цивилизационного экспансионизма // *Общество: политика, экономика, право*. – 2022. – № 6 (107). – С. 18-23.
11. Помазанова Е.В., Курбанова Г.А. Значение профессионального образования для сохранения кадрового суверенитета в России // *Гуманитарные исследования Центральной России*. – 2023. – № 1(26). – С. 52-58.
12. Пржиленский В.И., Огородников А.Ю. Аксиологические основания социального инжиниринга: перспективы модернизации российского общества // *Социологические исследования*. – 2016. – № 4(384). – С. 65-74.
13. Равочкин Н.Н. Идея как инструмент социальной инженерии: философский анализ // *Социодинамика*. – 2019. – №12. – С. 237-255.
14. Серикова В.П. Возрождение и внедрение российских традиций в высшее образование // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2015. – №1 (125). – С. 143-150.
15. Склярова Н.Ю. Государственная ценностная политика в системе образования // *Народное образование*. – 2023. – № 4(1499). – С. 11-21.
16. Склярова Н.Ю., Бродовская Е.В. Суверенизация национальной системы образования и воспитания в оценках молодежи, обучающейся в педагогических ссузах и вузах РФ // *Власть*. – 2023. – Т. 31. – № 2. – С. 9-14.
17. Склярова Н.Ю., Горохов С.А., Шаповалов В.Л. Мировоззренческие ценностные ориентиры в современной системе общего образования // *Педагогический журнал*. – 2022. – Т. 12. – № 6-1. – С. 155-163.
18. Смирнов В.А. Российское образование: субъект или объект «мягкой силы»? // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. – 2020. – №4 (29).
19. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: «Издательство АСТ», 2010. – 784 с.
20. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: «Издательство АСТ», 2008. – 560 с.
21. Тузовский И.Д. Образ будущего в современных социокультурных концепциях: автореф. дис. канд. культурологии. – Челябинск: 2009. – 26 с.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
23. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // *Социологические исследования*. – 2001. – № 1. – С. 6-16.
24. Яценко М.П. Опора на традиционные ценности в образовательной сфере как залог субъектности // *Профессиональное образование в современном мире*. – 2022. – №12 (2). – С. 203-210.
25. Aczél P. Future Shock Or Future Chic?: Human Orientation to the Future(s) in the Context of Technological Proliferation. // *Perceiving the Future through New Communication Technologies*. – 2021. – P. 179-193.
26. Jackson B.L. Future Shock Revisited // *Postmodern Openings*. – 2019. – №10 (3). – P. 102-116.

**CRITICISM OF THE FUTURE SHOCK CONCEPT IN THE CONTEXT OF THE
NATIONAL EDUCATION AND UPBRINGING SOVEREIGNIZATION**

**Brodovskaya E.V.^{1,2}, Sklyarova N.Yu.¹, Ognev A.S.^{2,3}, Kuznetsova S.V.¹, Melnikov S.V.¹,
Lukushin V.A.^{1,2}**

¹Moscow Pedagogical State University

²Financial University under the Government of the Russian Federation

³Russian New University

ABSTRACT

The article carries out a critical analysis of the basic works and futurological concepts proposed by the famous American philosopher Alvin Toffler in the second half of the XX century. The authors consider the main provisions of the work "Future Shock" and several other publications from the point of view of their use as a geopolitical tool, including practical use in the period of democratic transitions associated with the de-sovereignisation of states, the deconstruction of values and worldviews, the formation of Western-centred social systems. Based on the interpretation of a number of historical facts, theoretical materials and content components of Toffler's works, the authors find in them a means of humanitarian and intellectual intervention, a professional mechanism of soft power, which is particularly clearly manifested in the system of national education and upbringing. According to the results of the analysis, the authors come to the conclusion about the significant risks of such external influence on the educational space, the necessity to counteract it by purposefully building a strong, nationally oriented, value-based state policy.

KEYWORDS

future shock, sovereignization of education, philosophy of education, national educational system, system of education and upbringing, humanitarian intervention, intellectual intervention, value policy in education.